

БЛИЗКИЕ КОНТАКТЫ

Ольга ФУКС

— Олег Павлович, не могу не спросить у вас в связи с недавними событиями на Дубровке, не возникло ли у вас в те дни ощущения трагичности занятий театром?

— Все равно это опыт — даже если он трагический. Это все относится к тому великому обману, который начался с не менее Великой Французской революции 1789 года и дошел до своего логического завершения в полпотовской Камбодже, когда на людей даже не тратили патроны, а просто вырывали неглубокие каналы, ставили их рядом на колени и били мотыгой по затылку. (С расстановкой, точно диктуя правило.) Всякая попытка осчастливить людей коллективно есть ложь! Все то, что называют сейчас терроризмом, для меня представляется взрывом вселенского хамства. Одни богатые люди нанимают других, небогатых, чтобы навязывать третьим людям свою волю. Это одна сторона вопроса. Чеченская война как факт жизни моей страны, а следовательно, как факт моей биографии, — другая сторона.

— По вашему ощущению, все ли было тогда сделано правильно?

— Я вообще не склонен комментировать это. Нет ничего более отвратительного, чем то, что люди, ни за что не отвечающие, комментируют действия других людей, которые несут ответственность.

— Хорошо, сменим тему. Как вы думаете, Олег Николаевич Ефремов одобрил бы нынешнее состояние МХАТа, и важно ли для вас его одобрение?

— Я думаю, и Олег Николаевич не одобрил бы то, в каком состоянии находился МХАТ последние лет пять его жизни.

— Он не раз говорил в интервью, что видит вас на месте своего преемника. А лично вы с ним на эту тему говорили?

— Да, говорили. Первый раз — лет десять тому назад. Потом еще раз. Потом это уже превратилось в игру: он говорил, а я делал вид, что поддерживаю этот разговор. Я любил его и люблю. Мне казалось, что в тот момент, когда он говорил: «Ну, все. Давай ты будешь делать следующий сезон», он искренне в это верил. Но если бы его лишили ответственности за театр, он бы не выдержал. Ответственностью за театр он тонизировал свое желание жить.

— Ваши соседи в Малом театре приняли в этом году новую систему оплаты, согласно которой народный артист СССР получает за самый маленький выход максимальный гонорар...

— Это мне кажется вполне применимым к данному театру. Однако думаю, что актер в театре должен получать оплату в соответствии со своей востребованностью, объемом и качеством производимой работы.

— Не кажется ли вам, что сегодня, когда снимается столько сериалов и нужны молодые, не прильзавшиеся лица, актеры все меньше зависят от театра?

— Независимости рублем можно достигнуть, но ненадолго. Но должен тебе сказать — для меня актерская независимость связана с внутренней свободой. А ее можно достичь только в театре, получив тот вотум доверия, который актеру дает зритель.

— Вы вырастили не одно поколение актеров, которые стали заслуженными артистами, голливудскими звездами и прочее, и прочее. Что-нибудь изменилось в ваших отношениях с тех пор, как они были для вас просто Женьками, Вовками?

— На моем отношении к ним

это никак не сказалось. Я их люблю, а за любовь ничего требовать нельзя. Любовь — это моя радость. Удовлетворение моей потребности любить. Это либо скучные, либо мелкие люди что-то требуют за свою любовь.

— А от кого вы унаследовали потребность делать своим актерам дорогие подарки — вплоть до квартир?

— Да это ведь беда, что, например, у Юльки Польшинской с ее малышом не было жилья. Какой же это подарок? Это помощь. Хотя и подарки я делать люблю. Это же радость — видеть, что в этот момент делается с человеком. Это очень дорогие секунды. Может быть, мне так нравится что-то дарить, потому что у меня самого день рождения — 17 августа, и начиная со школьной скамьи отмечал я его в основном в пионерском лагере. И никто мне подарков не дарил, разве что лишний кусок пирога давали. А в «Современнике» снова август — период отпусков. Так что я как-то недополучил...

— Какой самый

Несколько лет назад Олег Павлович Табаков давал совсем другие интервью.

Сложноподчиненные да сложносочиненные предложения, пышные обороты, полные сочности и вместе с тем лаконизма. Обилие цитат и экскурсы в историю, древнейшую и новейшую, — Табаков всегда славился феноменальной памятью не только на тексты ролей, но и на самые, на первый взгляд, бесполезные сведения. Сейчас он стал говорить короче — иногда односложно. Взвешивать слова. Экономить эмоции. Что-то договаривать взглядом. Может быть, потому, что принял на себя ответственность за театр, который обречен называться первым.

Пора работы исключительно в команде единомышленников осталась в прошлом.

А Я ЕЩЕ СЫГРАЮ!

Олег ТАБАКОВ:

Я не чувствовал себя учеником даже рядом с Товстоноговым и Вайдой

«Самый главный подарок — это Павел, которого мне подарили Господь Бог и Марина»

дорогой подарок вам сделали в последнее время?

— Самый главный подарок — это Павел, которого Господь Бог и Марина подарили мне в довольно зрелом возрасте. И

друзья мои — у меня, знаешь ли, друзья есть.

— Павел Олегович Табаков в этом году в школу пошел. Наверное, с каким-нибудь уклоном?

— Ну да, с гуманитарным. Там

много поют, рисуют, на инструментах играют...

— И к вечеру в квартире раздаются звуки скрипки, иногда фальшивые...

— Нет, он на пианино, слава богу, учится. Скрипку было бы вынести тяжелее. В театры часто ходят. Школа его интересует — он туда рвется, даже когда болеет. Я думал, что это пройдет, но вот уже два месяца не проходит.

— Вы успеваете его как-то воспитывать?

— Разговаривать успеваю и в шахматы успеваю играть. А воспитывать... Я думаю, что какая жизнь в семье, такое и воспитание. Как родители смотрят друг на друга... Как трогают друг друга... Это и есть воспитание — человечностью и любовью.

— Если бы к вам на один вечер приехал друг, искушенный в вопросах театра, и вы бы захотели его сразить русским театром, куда бы вы его повели?

— К Фоменко. На три спектакля — «Одна абсолютно счастливая деревня», «Волки и овцы» и «Война и мир».

— Не удастся пригласить Фоменко во МХАТ?

— Его на все не хватает. Но это и не страшно. У меня уже есть режиссеры. А будет еще больше.

— Вы не раз говорили, что готовы приплачивать за право играть на сцене. Не жалко ли вам тратить столько времени на управление, администрирование, заботу об актерах двух театров и так далее, вместо того чтобы сыграть еще одну роль?

— А я еще сыграю. Я вообще время от времени играю. Недавно вот решил сыграть у Иштвана Сабо, в голливудском фильме, на английском языке. Это была мука мученическая. Сначала зазубрить слова, как

обезьяна. Затем обрести свободу. Потом, потом покрываясь снаружи и изнутри, сыграть так, чтобы все сказали... какой хороший английский!

— Олег Павлович, вы много пережили, переживали, переиспытывали, переисстрадали. Вы опытный актер, которому по плечу сыграть все что угодно. Скажите, остался ли еще режиссер, у которого вы чувствовали бы себя учеником, начинающим что-то с самого начала?

— Я не чувствовал себя учеником с Георгием Александровичем Товстоноговым. Я никогда не чувствовал себя учеником с Андреем Вайдой. Я вообще себя никогда учеником не чувствовал. Даже когда Олег Николаевич истреблял в нас каботинство, премьерство и прочие театральные мерзости. С того момента, когда на тебя начинают продавать билеты, нельзя быть учеником. И потом, я такую радость испытываю от того, чем занимаюсь, что все время что-то предлагаю. Разве ученики столько предлагают? По опыту моему педагогическому, уверяю, что нет.

Я какое-то время был младшим, подающим надежды. Меня все очень любили. Знаете, когда много серьезных людей на приеме, в смокингах, поедая маслины. И вдруг в зал вбегает маленький шенок, хвостом виляет и таякает. И все расцветают. Вот примерно так ко мне относились. Потом младшим стал Олег Даль. Потом Костя Райкин. А я довольно рано начал нести ответственность. С тех пор как Олег Ефремов меня, еще четверокурсника, ввел в правление театра «Современник», я и несу ответственность. Это продолжается уже... сорок шесть лет.

Табак О. П.

22.11.02